

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНА И.А. ГОНЧАРОВА
«ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература,
очной формы обучения, группы 02031201
Шевченко Ирины Сергеевны

Научный руководитель
к.ф.н., доцент
М.В. Половнева

БЕЛГОРОД 2017

Содержание

Введение.....	3
I. Своеобразие романа как жанра	10
1.1 Развитие жанра романа в литературно-историческом контексте.....	10
1.2 Своеобразие жанровой формы романа воспитания.....	17
II. Жанровые черты романа воспитания в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова.....	27
2.1 Эволюция мировоззрения Александра Адуева как отражение «типически повторяющегося пути становления человека».....	27
2.2 Специфика «диалогического конфликта» романа «Обыкновенная история» И.А. Гончарова.....	35
2.3 Изучение романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история» в школьном курсе литературы.....	42
Заключение.....	50
Список использованной литературы.....	53

Введение

В теории романа до сих пор актуален вопрос определения этого термина, не менее неоднородным выступает и проблема жанровой модели романа. По мнению М.М. Бахтина, не всегда удается дать сколько-нибудь обобщающей формулы для романа как жанра. Более того, исследователи не могут указать ни одного точного и твердого признака романа без такой оговорки, которая бы не аннулировала весь этот признак. Поэтому в современном литературоведении существуют разные толкования термина «роман».

Так, в Большой советской энциклопедии (БСЭ) предлагается такая трактовка термина: «Роман (франц. roman, нем. Roman), разновидность эпоса как рода литературы, один из больших по объёму эпических жанров, который имеет содержательные отличия от другого такого же жанра – национально-исторической (героической) эпопеи, активно развивается в западноевропейских литературах с эпохи Возрождения, а в новое время получает господствующее значение в мировой литературе» [Шмидт 1934: 132].

В новейшем литературоведческом словаре-справочнике Н.В. Суловой дается такое понятие: «Роман – эпический жанр, раскрывающий историю нескольких, иногда многих человеческих судеб, порою целых поколений, развернутую в широком художественном пространстве и времени, обладающем достаточной длительностью» [Сулова 2003: 43].

Сопоставив имеющиеся в современном литературоведении определения романного жанра, мы пришли к выводу, что наиболее полное определение данного термина дает С.П. Белокурова: «Роман – (от франц. roman – первоначально: произведение, написанное на одном из романских (т.е. современных, живых) языков, в противоположность написанному на латыни) – жанр эпоса: большое эпическое произведение, в котором разносторонне показана жизнь людей в определенный период времени или в течение целой человеческой жизни. Характерные свойства романа: многолинейность сюжета, охватывающего судьбы ряда действующих лиц; наличие системы

равнозначных персонажей; охват большого круга жизненных явлений, постановка общественно значимых проблем; значительная временная протяженность действия» [Белокурова 2005: 66]. Автор одного из словарей литературоведческих терминов отмечает первоначальное значение, которое вкладывалось в это понятие, при этом указывая и его современную трактовку.

У романа как литературного жанра есть множество разновидностей: исторический, семейный, социально-бытовой, фантастический, рыцарский и другие.

В жанре романа творили многие отечественные и зарубежные знаменитые писатели. Особый интерес у нас вызывает творчество И.А. Гончарова. Он вошел в литературу как автор трех романов, которые явились важным событием в литературной жизни середины XIX века и еще при жизни их создателя стали классикой. Однако отзывы на произведения И.А. Гончарова были очень противоречивыми. По-разному трактовали творчество писателя его современники В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, А.В. Дружинин, А.А. Григорьев, М.Е. Салтыков-Щедрин и другие.

Следует отметить, что основополагающими работами для понимания творческого метода И.А. Гончарова стали статьи Н.А. Добролюбова «Что такое обломовщина», А.В. Дружинина «Обломов» и Д.И. Писарева «Обломов». Они наметили ту линию восприятия произведений писателя, которая существует в гончароведении вплоть до нашего времени.

В первой половине XX века к изучению творческого наследия писателя обращались Н.И. Пруцков, А.Д. Алексеев, И.А. Захаркин, А. Рыбаков и другие. Из более поздних работ следует назвать таких авторов, как Е.А. Краснощекова, Л.С. Утевский, Н.В. Гуляев, З.Т. Прокопенко, В.С. Пушкарева, Д.П. Бак, С.В. Гусько, Т.Б. Ильинская, В.Н. Криволапов, А. Молнар и другие.

Исследователь творчества И.А. Гончарова Н.И. Пруцков отмечал, что «образность поэтического языка Гончарова в каждом романе базируется на одном ключевом мотиве, вокруг которого организуются сюжетный и тематический план романа» [Пруцков 1962: 34]. В этой особенности

творческого метода Гончарова увидел продолжение гоголевской манеры представить «основное качество героя», затем символически развернуть и опозитизировать его и таким образом придать ему «пушкинскую полноту и уравновешенность» [Пруцков 1962: 38].

Исследователь А. Молнар обозначил линию осмысления истоков символичности образов писателя, которая базируется в основном на исходящей от А.В. Дружинина эстетической трактовке образов Гончарова. А.В. Дружинин называет метод описания Гончаровым самых разнообразных, даже простейших бытовых элементов «фламандством» [Дружинин 1991: 107]. Поэтизация обыденности в романах И.А. Гончарова, по мнению А. Молнара, совершается на разных уровнях: «в предметном мире, композиции текста и в форме метафоризации» [Молнар 2004: 7-8]. Однако литературовед Ю. Манн высказывает несколько иную точку зрения, считая, что для гончаровской поэтики, наоборот, «характерна функция депозитизации, объективного рассказывания» и отображения привычек и предметного мира персонажей» [Манн 1987: 282], что считается приемом натуральной школы.

О детализации предметного мира говорит и Н.И. Пруцков, он отмечает проникновение Гончарова в мир вещей и связывает это с «актом метафоризации для обозначения сдвигов в структуре образа героя и вообще целого общественного уклада» [Пруцков 1962: 128].

В настоящее время хорошо изучен жизненный путь Гончарова. Также вполне определились и успешно исследуются такие проблемы, как источники гончаровского творчества, его связь с традициями национальной и мировой культуры. Исследователи вскрывают тесную связь творчества Гончарова с общественно-политической обстановкой России первой половины XIX века, значительное место уделено анализу образов главных героев писателя.

Значительный вклад в исследование художественного наследия И.А. Гончарова внесла Е.А. Краснощекова, в работах которой раскрывается сущность характеров романной трилогии И.А. Гончарова, убедительно доказывается, что «сочетание романтизма и реализма является основой

авторского мировоззрения» [Краснощекова 1970: 67], отмечается мастерство автора в описании бытовых картин, прослеживается связь произведений Гончарова с пушкинской традицией.

Несмотря на изученность романного наследия И.А. Гончарова в целом рассмотрению художественного мира и жанровой специфики «Обыкновенной истории» уделяется недостаточно внимания, этим и обусловлена **актуальность** нашего исследования. Так, современники писателя акцентировали внимание на злободневном звучании первого романа, исследователи более позднего времени смотрели на «Обыкновенную историю» чаще всего как на «подступ к более сложным и многоплановым последующим двум» [Краснощекова 1997: 86].

Цель работы состоит в том, чтобы выявить черты романа воспитания в художественной структуре «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- изучить теорию и историю возникновения и становления жанра романа;
- рассмотреть жанровые признаки и историческое бытование романа воспитания;
- выявить и охарактеризовать элементы романа воспитания в «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова.
- разработать урок по изучению романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история» сквозь призму жанровой специфики.

Проблема изучения романа воспитания привлекала внимание зарубежных и отечественных исследователей: Карла Моргенштерна, Вильгельма Дильтея, Рольфа Зельбманна, М.М. Бахтина, А.А. Морозова, Б.И. Пуришева, А.В. Диалектова, В.Н. Пашигорева.

Наибольший интерес, на наш взгляд, вызывает книга Рольфа Зельбманна «К истории немецкого романа воспитания». В ней раскрываются вопросы генезиса понятия «Bildungsroman» (роман воспитания), «Entwicklungsroman» (роман развития), «Erziehungsroman» (воспитательный) роман. Сам Зельбманн

изучает историю этих понятий и литературоведческие дискуссии по их поводу, начиная от Бланкенбурга и завершая Гегелем.

По мысли Карла Моргенштерна, «романом воспитания можно называть эту разновидность, во-первых, вследствие конкретной организации ее материала, ибо этот роман изображает формирование героя от начала жизни до определенной ступени зрелости; во-вторых, благодаря тому, что это формирование способствует воспитанию читателя» [Кожин 1993: 112]. И так, по мнению исследователя, романом воспитания может считаться лишь тот роман, который во-первых, показывает индивидуальный рост и становление героя с нуля и до определенного уровня совершенства, а во-вторых, он способствует нравственному образованию читателей.

Вильгельм Дильтей выделяет три вида романа воспитания: романы «школы Вильгельма Мейстера», романы романтической группы (Фр. Шлегель, Л.И. Тик, В.Г. Вакенродер, Новалис) и романы о художнике. Помимо этого, ученый уделяет внимание роли повествователя, который главенствует в этом жанре, вводит вспомогательное понятие «образовательная история». Это понятие занимает, по его мнению, «промежуточное положение между мотивом образования и романом воспитания в его классической форме» [Краснощекова 1977: 145]. Основные тенденции романа воспитания объясняются им в религиозно-католическом разрезе. Так, «процесс воспитания героя жизнью, интерпретируется как этапы духовного преображения человека. Человек проходит путь от недобровольного изгнания из райского прасостояния, через враждебный, полный искушений мир, к идеалу очищения и возрождения» [Краснощекова 1977: 131].

В отечественном литературоведении до сих пор основополагающими исследованиями по теории романного жанра в целом и романа воспитания, в частности, являются работы М.М. Бахтина.

Так, проблемы романа воспитания М.М. Бахтин рассматривает в своей книге «Вопросы литературы и эстетики». Исследователь сравнивает «роман испытания» и «роман воспитания», подчеркивая, что первый «исходит из

готового человека и подвергает его испытанию с точки зрения также готового уже идеала» [Бахтин 1975: 128], тогда как роман воспитания «противопоставляет ему становление человека... Жизнь с ее событиями служит уже не пробным камнем и средством испытания готового героя... Теперь жизнь с ее событиями, освещенная идеей становления, раскрывается как опыт героя, школа, среда, впервые формирующие характер героя и его мировоззрение» [Бахтин 1979: 112]. Таким образом, по мысли М.М. Бахтина, роман воспитания – это художественная структура, главным организующим центром которой является идея становления. При этом автор одинаково указывает на зыбкость границ, которые отделяют роман испытания от романа воспитания, поскольку основополагающие идеи обеих родственных разновидностей взаимосвязаны друг с другом.

По мнению В.Н. Пашигорева, роман воспитания – это роман «о формировании мировоззренческой позиции героя в результате уроков жизни, практического опыта, о многотрудных и мучительных поисках смысла бытия, общественного идеала, положительной программы» [Пашигорев 1993: 34].

А.В. Диалектова дает такое определение данной жанровой разновидности: «под термином воспитательный роман, прежде всего, подразумевается произведение, доминантой построения сюжета которого является процесс воспитания героя: жизнь для героя становится школой, а не ареной борьбы, как это было в приключенческом романе» [Краснощекова 2008: 123].

Таким образом, рассмотрев имеющиеся в литературоведении трактовки данного термина, мы пришли к выводу, что под романом воспитания понимается такая художественная структура, организующим центром которой является идея становления героя, формирование его мировоззренческой позиции под воздействием жизненных испытаний и потрясений. В своем исследовании мы будем придерживаться определения этой жанровой разновидности романа, предложенного М.М. Бахтиным.

Объект исследования – роман И.А. Гончарова «Обыкновенная история».

Предмет исследования – черты романа воспитания в жанровой структуре романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история».

Теоретической основой работы стали исследования (М.М. Бахтина, В.В. Кожина, В.Н. Пашигорева, Е.И. Мельникова).

Методы исследования: структурно-типологический, историко-генетический.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут найти применение при изучении романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история» в школе и вузе.

Отдельные положения исследования прошли апробацию на Международном молодежном научном форуме «Белгородский диалог – 2017» в апреле 2017 года.

Дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

I. Своеобразие романа как жанра

1.1 Развитие жанра романа в литературно-историческом контексте

Термин «роман» возникает в XII веке, за девять столетий своего бытования он успел претерпеть целый ряд смысловых изменений. Первые жанровые формы романа восходят еще к античности (любовные и любовно-приключенческие романы Гелиодора, Лонга и Ямвлиха), но ни греки, ни римляне не оставили преднамеренного наименования для этого жанра. Название «роман» появилось позже, во времена Средневековья и вначале напрямую было связано лишь с языком, на котором было написано произведение.

Одним из распространенных языков средневековой западноевропейской письменности был, как известно, латинский язык. В XII-XIII вв. нашей эры в одном ряду с пьесами, повестями, рассказами, созданными на латинском языке и существующими преимущественно среди привилегированных сословий общества, дворянства и духовенства, стали возникать повести и рассказы, написанные на романских языках и известные в среде демократических слоев общества, не владеющих латинским языком, среди торговой буржуазии, ремесленников, вилланов (так называемое третье сословие). Эти произведения, в отличие от латинских, так и стали именовать: *conte roman* – романский рассказ, повесть. Позже прилагательное приобрело самостоятельное значение. Так появилось особое название для повествовательных произведений, которое вскоре укоренилось в языке и с течением времени утратило свой первоначальный смысл.

Опираясь на исследование Г.Н. Моисеевой «Зарождение романа в русской литературе XVIII века», можно сделать вывод о том, что если наиболее приближенная к современному значению данного термина трактовка появилась в XVII-XVIII веке, то и зарождение теории романа логично относить к тому же отрезку времени. И хотя уже в XVIII – XVIII веках создаются некие «теории» романа (Антонио Минтурно «Поэтическое искусство», 1563; Пьер Николь

«Письмо о ереси сочинительства», 1665), лишь вместе с классической немецкой философией появляются начальные попытки воспроизвести общеэстетическую теорию романа, включить его в систему художественных форм. «Одновременно и высказывания великих романистов о своей собственной писательской практике приобретают большую широту и глубину обобщения (Вальтер Скотт, Гёте, Бальзак). Принципы буржуазной теории романа в ее классической форме были сформулированы именно в этот период. Но более обширная литература по теории романа возникает лишь во второй половине XIX века. Теперь роман окончательно утвердил свое господство как типичная форма выражения буржуазного сознания в литературе» [Алексеев 1969: 78].

С историко-литературной точки зрения нельзя говорить о конкретном времени возникновения романа как жанра, так как по существу «роман» – это «инклюзивный термин, перегруженный философскими и идеологическими коннотациями и указывающий на целый комплекс относительно автономных явлений, не всегда связанных друг с другом генетически» [Алексеев 1969: 93]. «Возникновение романа» в этом смысле занимает целые эпохи, начиная с античности и заканчивая XVII или даже XVIII веком.

На возникновение и обоснование данного термина, безусловно, оказала влияние история развития жанра в целом. Важную роль в теории романа играет и его становление в различных странах. Историческое развитие романа в разных европейских странах обнаруживает весьма значительные различия, которые вызваны неравномерностью социально-экономического развития и индивидуальным своеобразием истории каждой страны. Но наравне с этим история европейского романа обобщает в себе и некоторые общие, повторяющиеся черты, на которые нужно обратить внимание. Во многих европейских литературах, хотя каждый раз по-своему, роман преодолевает определенные закономерные этапы. В истории европейского романа Средних веков и Нового времени первенство принадлежит французскому роману. Одним из известных представителей французского Ренессанса в области романа был Рабле (первая половина XVI в.), который показал в своем

«Гаргантюа и Пантагрюэле» всю широту буржуазного свободомыслия и неприятия укоренившегося старого уклада жизни. «Роман зарождается в художественной литературе буржуазии в эпоху постепенного разложения феодального строя и возвышения торговой буржуазии. По своему художественному принципу это – натуралистический роман, по тематико-композиционному – авантюрный, в центре которого герой, переживающий всевозможные приключения, забавляющий читателей своими ловкими проделками, герой-авантюрист, плут» [Бахтин 1979: 56]. Эти приключения перемежаются с бытовыми сценками, выражают склонность к грубоватой шутке, чувство юмора, враждебность к правящим сословиям, ироническое отношение к их нравам и проявлениям. При этом у авторов не получилось показать жизнь в ее глубокой социальной перспективе, ограничиваясь внешними характеристиками, проявляя склонность к детализации, к смакованию бытовых подробностей. Типичные его примеры – «Ласарильо из Тормеса» (XVI в.) и «Жиль Блаз» французского писателя Лесажа (первая половина XVIII в.). Из среды мелкой и средней буржуазии к середине XVIII в. вырастает передовая мелкобуржуазная интеллигенция, начинающая идеологическую борьбу со старым порядком и использующая для этого художественное творчество. На этой основе рождается психологический мелкобуржуазный роман, в котором центральное место принадлежит уже не аванюре, а глубоким противостояниям и контрастам в сознании героев, борющихся за свое счастье, за свои нравственные идеалы. Наглядным примером этого может быть названа «Новая Элоиза» Руссо (1761). В ту же эпоху, что и Руссо, выступает Вольтер со своим философско-публицистическим романом «Кандид».

В Германии в конце XVIII и в начале XIX вв. заявляет о себе целая плеяда писателей-романтиков, создавших очень яркие образцы психологического романа. Таковы Новалис («Генрих фон Офтердинген»), Фридрих Шлегель («Люцинда»), Тик («Вильям Ловель») и, наконец, знаменитый Гофман. «Наряду с этим мы находим психологический роман и в стиле дворянской аристократии,

гибнущей вместе со всем старым режимом и осознающей свою гибель в плоскости глубочайших морально-мировоззренческих конфликтов» [Вердеревская 1980: 115]. Таков Шатобриан со своими «Ренэ» и «Атала». Для слоев феодального дворянства характерен также культ изящной чувственности и свободного, порой разнузданного эпикуреизма. На этой почве рождаются и дворянские романы рококо с их культом чувственности. Например, роман Кувре «Любовные похождения кавалера де Фобла».

Английский роман в первой половине XVIII в. выдвигает таких крупнейших своих представителей, как Дж. Свифт с его знаменитым сатирическим романом «Путешествие Гулливера» и Д. Дефо, автора не менее знаменитого «Робинзона Крузо», а также ряд других романистов, выражающих социальное мировоззрение буржуазии.

Особую линию представляет собой роман «тайн и ужасов» (так называемый «готический роман»), который впервые заявляет о себе в англоязычной литературе, его сюжеты, как правило, избираются в сфере сверхъестественного и герои которого наделены чертами мрачного демонизма. Готический роман укоренил себя как литературный жанр, и к исходу восемнадцатого столетия количество произведений в этом жанре стало набирать высоту с невероятной скоростью.

Русский роман начал складываться в XVIII веке. На протяжении двухсот лет он прошёл весь тот путь исторического развития, на который французскому роману понадобилось до шести столетий. В Средние века появились многочисленные повествовательные произведения, которые распространялись устно бродячими певцами-сказителями. Эти произведения по своему жанру являются рыцарскими эпопеями и легендами. Они также формируются в циклы вокруг героев и сюжетов. Они дают ответы на те же идейные вопросы, на какие давали ответы эпопеи древности, но уже на новой социальной почве и в новом стиле. Они прославляют подвиги рыцарей, носителей великой доблести, политического самосознания рыцарства, религиозного правоверия.

Во второй половине XVIII в. возникают авантюрные романы (И.А. Новиков, М. Комаров, М. Чулков). Средневековый роман представляет собой цепочку новелл-приключений, объединенную одним или рядом героев. В авантюрном романе нашел отражение интерес к индивидуальной личности и ее судьбе.

Вместе с этим в литературе существуют переводные авантюрно-рыцарские романы, главным образом французские, по примеру которых и русские писатели эпохи классицизма пытаются создать свои произведения. В самом конце XVIII и начале XIX веков под пером А.Е. Измайлова, В.Т. Нарезного и других дает о себе знать нравоучительный роман приключений, содержащий в себе идиллические и сатирические зарисовки нравов провинции и столицы.

Авторы стали создавать романы, но уже не авантюрно-натуралистические старого стиля, а бытовые, психологические, социальные, реалистические. К 1830-м годам начинает возрастать такое явление в литературе, как исторический роман. Он, по-видимому, вобрал в себя те достижения в области романного жанра, которые были накоплены в предшествующие годы. Его появление объясняется тем, что русское общество хотело узнать и понять свое историческое прошлое.

Первым таким романом о «своем» оказался роман И.И. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», появившийся в 1829 году. В последующие несколько лет выходит целый ряд исторических романов, из которых значительную роль в развитии жанра сыграли «Рославлев, или русские в 1812 году» (1830) М.Н. Загоскина, «Димитрий Самозванец» (1829) Ф. Булгарина, «Клятва при гробе господнем» (1832) Н. Полевого, «Последний Новик, или завоевание Лифляндии при Петре I », выходявший частями в 1831-1833 годы, «Ледяной дом» (1835) и «Басурман» (1838) И.И. Лажечникова. В 1835 году выходит повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», в 1836 году появляется «Капитанская дочка» А.С. Пушкина.

Примечательно в этой связи, что для В.Г. Белинского развитие исторического романа в русской литературе было не только результатом влияния Вальтера Скотта, как это утверждали С.П. Шевырев и О.И. Сенковский, а проявлением «духа времени». Интерес к изучению исторического прошлого, которое вещало о высоком национальном самосознании народа, также свидетельствовало и о более глубоком проникновении действительности и ее интересов в искусство и общественную мысль. В.Г. Белинский говорит о том, что вся дальнейшая работа главной мысли будет и обязана опираться на историю, вырастать из исторической земли. По мнению В.Г. Белинского, значение Вальтера Скотта проявилось в том, что он «докончил соединение искусства с жизнью, взяв в посредники историю. Само искусство теперь сделалось по преимуществу историческим, исторический роман и историческая драма интересуют всех и каждого больше, чем произведения в том же роде, принадлежащие к сфере чистого вымысла» – отмечал критик [Белинский 1956: 213]. Во внимании к истории, к истинной действительности он видел движение русской литературы к реализму.

Вскоре возникает социально-бытовой реалистический роман, опирающийся на соответствующие образцы английского и французского романов. «Евгений Онегин» А.С. Пушкина и «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова становятся примерами для целого ряда романистов 1850 – 1860-х годов. Из них И.С. Тургенев, И.А. Гончаров и Л.Н. Толстой добиваются наибольших успехов своими реалистическими романами» [Вердеревская 1980: 34].

Говоря о специфике романного жанра, необходимо учитывать, что «сколь бы различны ни были те особенности исторического классового сознания, те общественные настроения, те конкретные художественные идеи, которые отражаются в романе, роман выражает собой определенный тип самосознания, определенные идейные запросы и интересы» [Краснощекова 2008: 118]. Эти особенности содержания романа приводят и к формальным признакам этого жанра. Для композиции романа характерны более или менее сложная, прямая

или ломанная линия единой личной интриги, единой причинно-временной цепи событий, единый ход повествования, которому подчинены все и всякие описательные моменты. Во всем остальном роман «исторически бесконечно разнообразен» [Краснощекова 2008: 95].

С.П. Белокурова в своем Словаре литературоведческих терминов условно представляет типологию современного романа следующим образом:

«- по темам различаются автобиографический, документальный, политический, социальный; философский, интеллектуальный; эротический, женский, семейно-бытовой; исторический; авантюрный, фантастический; сатирический; сентиментальный и др.

- по структурным признакам: роман в стихах, роман-путешествие, роман-памфлет, роман-притча, роман-фельетон и др.

Нередко определение соотносит роман с эпохой, в которую царил тот или иной тип романа: античный, рыцарский, просветительский, викторианский, готический, модернистский и т. д.

Кроме того, выделяется роман-эпопея – произведение, в центре художественного внимания которого лежит судьба народа, а не отдельного человека (Л.Н. Толстой «Война и мир», М.А. Шолохов «Тихий Дон»)» [Белокурова 2006: 68].

В особый тип выделяют полифонический роман (по М.М.Бахтину), который предполагает такое построение, когда главную мысль произведения создает одновременное звучание «многих голосов», так как ни один из героев, ни автор не обладает монополией на правду и не является ее носителем.

Подводя итог, еще раз отметим, что несмотря на давнюю историю бытования данного термина и еще более давнюю жизнь его жанровой формы, в современном литературоведении нет однозначного взгляда на вопросы, связанные с понятием «роман».

В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что, давая характеристику данной жанровой форме, М.М. Бахтин выделяет три основные особенности жанровой модели романа, принципиально отличающие его от

других жанров: «1) стилистическую трехмерность романа, связанную с многоязычным сознанием, реализующимся в нем; 2) коренное изменение временных координат литературного образа в романе; 3) новую зону построения литературного образа в романе, именно зону максимального контакта с настоящим (современностью) в его незавершенности» [Бахтин 1979: 128].

В данном разделе мы рассмотрели, как появлялся и развивался жанр романа на протяжении многих веков. Далее в работе мы остановимся на рассмотрении специфики жанровой формы романа воспитания.

1.2 Своеобразие жанровой формы романа воспитания

«Роман воспитания» как «конкретный исторический жанр» появляется в середине XVIII столетия. В начале XIX века он получает свое имя благодаря профессору эстетики Карлу Моргенштерну, который в работе «О сущности романа воспитания» впервые ввел в практику историко-литературных исследований понятие «роман воспитания».

Понятие «воспитание» с течением времени также обретает новую смысловую наполненность. Вероятно, первым, кто использовал слово «Bildung» был средневековый мистик Экхард (1260 - 1327). «Bildung» берет начало от слова «Bild» (образ), а точнее, от «Ebenbild» (подобие). Человек – «это подобие Бога» [Бахтин 1979: 106].

Экхард, исходя из мысли о «богоподобности», под термином «Bildung» понимал мистическое стремление, отражение истинного образа Бога, формирование его образа в себе, в собственной душе.

В эпоху Ренессанса возникает понятие органичного воспитания: человек должен развить свои внутренние задатки, чтобы стать органичной личностью. Все, что изучается, служит для развития природных способностей человека. В данной трактовке воспитания человек предстает абсолютным центром образования и воспитания. Под воздействием внешнего мира должны

сформироваться его индивидуальные задатки. Воспитание (*Bildung*) обозначает не формирование человека согласно политическим и экономическим целям общества, оно означает воспитание «совершенного человека». Данная смысловая коннотация появляется благодаря Эразму Роттердамскому. Именно он дал толчок развитию понятия «*Bildung*» в том направлении, которое имеет силу и по сей день: воспитание – это развитие разума и нравственности. Таким образом, заложенное в человеке подобие Бога может быть развито в дальнейшем самим человеком.

Реформация добавляет еще одно значение в понятие слова «*Bildung*». Центральной задачей для реформаторов было образование (чтение, письмо, изучение древних языков, литературы, латинской и греческой культуры). Священнослужители эпохи Реформации считали, что каждый верующий должен уметь читать Библию на родном языке, постигать основы веры в триединого бога и применять знания к собственной жизни. Воспитание, с точки зрения реформаторов, – основа формирования самостоятельной веры и жизни. Целью воспитания являлся образованный, гуманный человек, свободный открытый индивид.

Понятие «*Bildung*» эпохи Просвещения исходит из того, что человек «формируется» (воспитывается) внешним миром. Воспитание – это не внутреннее развитие человека, а результат труда педагогов, влияние общества. На переднем плане должны стоять практические, определяемые разумом знания. Подобно как мастер ваяет свои творения, так и воспитатель должен «сотворить» разумного человека. Во главу угла ставится не развитие индивида, а необходимость воспитания разумного, полезного для общества гражданина.

Таким образом, под термином «воспитание» понимается процесс систематического и целенаправленного воздействия на духовное и физическое развитие личности в целях подготовки ее к производственной, общественной и культурной деятельности. Воспитание тесно связано с образованием и обучением. Значение этого понятия, как и термина «роман», со временем претерпевает существенные изменения: если в средние века под словом

«воспитание» понималось «вскармливание, выращивание», то в XVIII столетии, когда и зарождается роман воспитания, сфера применения этого понятия и его значение расширяют свои границы. В эпоху Просвещения под термином «воспитание» понимается также воздействие на развитие человека с целью формирования его нравственных и физических качеств. Это понятие используется как синоним к слову «обучение», «образование». И третье значение, приобретенное этим термином с развитием человеческих отношений, объясняет понятие «воспитание» как правила поведения, навыки общежития, привитые человеку родителями и наставниками.

XIX век был, несомненно, связан с XVIII проблемами воспитания и образования. Но это был также век романа. И, естественно, роман воспитания заявил о себе как о самостоятельной жанровой разновидности.

Характеризуя жанровые признаки романа воспитания, необходимо учитывать, что К. Моргенштерн предлагает называть произведение «романом воспитания» при наличии системы событий, описанных в романе, способствующих осуществлению этического воспитания читателя, хотя изначально дидактическая задача в романах не ставилась, объективной целью писателя было изображение главного героя и процесса становления его характера.

На становление жанра «романа воспитания» особое влияние оказали и средневековые романы странствований, и романы испытаний, характерной чертой которых была абсолютная статичность образа героя. Именно в это время писатели начали изображать человека в процессе эволюции, при этом временные и пространственные координаты выходят на первый план.

В отечественном литературоведении первый теоретический труд, посвященный исследованию жанра романа воспитания, принадлежит М.М. Бахтину, который создал собственную классификацию романов воспитания, положив в ее основу особенности освоения пространства и времени главным героем.

Исследователь сопоставляет «роман испытания» и «роман воспитания», подчеркивая, что первый «исходит из готового человека и подвергает его испытанию с точки зрения также готового уже идеала» [Бахтин 1979: 14], тогда как роман воспитания «противопоставляет ему становление человека... Жизнь с ее событиями служит уже не пробным камнем и средством испытания готового героя... Теперь жизнь с ее событиями, освещенная идеей становления, раскрывается как опыт героя, школа, среда, впервые формирующие характер героя и его мировоззрение» [Бахтин 1979: 14]. Таким образом, по мысли М. М. Бахтина, роман воспитания – это художественная структура, основным организующим центром которой является идея становления. При этом автор правомерно отмечает зыбкость границ, отделяющих роман испытания от романа воспитания, поскольку основополагающие идеи обеих родственных разновидностей взаимосвязаны.

По мнению исследователя, при характеристике романа воспитания «прежде всего необходимо строго выделить момент существенного становления человека. Огромное большинство романов (и романских разновидностей) знает только образ готового героя. <...> Наряду с этим господствующим, массовым типом стоит иной, несравненно более редкий тип романа, дающий образ становящегося человека. В противоположность статическому единству здесь дается динамическое единство образа героя. Сам герой, его характер становятся переменной величиной в формуле этого романа. Изменение самого героя приобретает сюжетное значение, а в связи с этим в корне переосмысливается и перестраивается весь сюжет романа. Время вносится вовнутрь человека, входит в самый образ его, существенно изменяя значение всех моментов его судьбы и жизни. <...> В чистом авантюрном времени становление человека, конечно невозможно <...>. Но оно вполне возможно в циклических временах» [Бахтин 1979: 234]. Таким образом, в своей классификации М.М. Бахтин снова возвращается к такой категории, как хронотоп. «Так, в идиллическом времени, – считает исследователь, – может быть показан путь человека от детства, через юность и зрелость к старости с раскрытием всех тех существенных внутренних

изменений в характере и воззрениях человека, которые совершаются в нем с изменением его возраста. Такой ряд развития (становления) человека имеет циклический характер, повторяясь в каждой жизни» [Бахтин 1979: 237]. На этой основе М.М. Бахтин выделяет первую разновидность (роман с идиллическим временем) романа становления, но тут же замечает, что «чистого типа такого циклического (чисто возрастного) романа становления не было создано» [Бахтин 1976: 245].

Вторая разновидность романа воспитания, представляющая тип циклического становления, «рисует некий типически повторяющийся путь становления человека от юношеского идеализма и мечтательности к зрелой трезвости и практицизму» [Бахтин 1976: 249]. Мир и жизнь в этом типе романа представлены как опыт или школа, через которую должен пройти герой. К этой разновидности, по мнению М.М. Бахтина принадлежат также и романы Гончарова, в которых речь идет «прежде всего о крушении и ломке идиллического мировоззрения» [Бахтин 1976: 250]. «Положительный человек идиллического мира, – продолжает Бахтин, – становится смешным, жалким и ненужным, он либо погибает, либо перевоспитывается и становится эгоистическим хищником» [Бахтин 1976: 257]. Следует еще указать и на то, что этот подтип романа становления Бахтиным назван «циклическим» и биографическое время, хотя и сохраняет в нем свое значение, не играет столь важной роли, как в следующем подтипе – биографическом романе становления.

Третий тип романа становления отличается нециклическим построением сюжета. Становление героя происходит здесь исключительно в биографическом времени, совпадает с жизнью самого героя романа. Поэтому и герой проходит не через типичные этапы становления любого человека, а через индивидуальные, «неповторимые», никаким другим героем не пережитые события своей собственной жизни. В этом типе романа становление героя является «результатом всей совокупности меняющихся жизненных условий и событий» [Бахтин 1976: 259]. Роман повествует о судьбе человека, а

становление «жизни-судьбы сливается со становлением самого человека» [Бахтин 1979: 245].

Четвертый тип – дидактико-педагогический тип романа. В его основании лежит определенная система педагогических воззрений, система взглядов. Этот тип, по Бахтину, наиболее ярко показан в романе Руссо «Эмиль, или О воспитании». На характеристике этой разновидности романа становления исследователь почти не останавливается, переходя к главной цели своего исследования – роману пятой разновидности.

Пятый – «самый существенный», с точки зрения Бахтина, тип, в котором становление героя дается вместе с историческим становлением. Становление человека во всех четырех предшествующих типах происходило на «неподвижном фоне мира». «Человек становился, развивался, изменялся в пределах одной эпохи. Наличный и устойчивый в этой наличности мир требовал от человека известного приспособления к нему, познания и подчинения наличным законам жизни. Становился человек, но не сам мир; мир, напротив, был неподвижным ориентиром для развивающегося человека» – подчеркивает Бахтин [Бахтин 1976: 307]. В пятой же разновидности герой «становится вместе с миром, отражает в себе историческое становление самого мира. Он уже не внутри эпохи, а на рубеже двух эпох, в точке перехода от одной к другой. Этот переход совершается в нем и через него. <...> Меняются как раз устои мира, и человеку приходится меняться вместе с ними» [Бахтин 1976: 312].

Современный исследователь В.В. Пашигорев говорит о том, что функции романов воспитания различны для каждой страны – таким образом, можно говорить о немецком, английском, американском, русском и других романах воспитания. Так, для композиции немецкого типа характерны ступенчатость и поэтапность; для английского – нонконформистский тип воспитания: путь к себе остается возможным благодаря нравственным, гражданским идеалам, живущим в сознании героя [Пашигорев 1993: 37]. Для героя американской разновидности романа воспитания свойствен поиск опоры в самом себе,

освоение навыка владеть собой; для русского варианта – незавершенность героя, его стремление к изменениям в лучшую сторону. На незавершенность героя как на важную особенность романа воспитания указывает и В.В. Кожин в монографии «Происхождение романа». По мнению исследователя, герой данной жанровой разновидности романа – это герой становящийся, изменяющийся, воспитуемый жизнью [Кожин 1963: 127].

А.А. Садриева в качестве критерия для классификации романа воспитания предлагает отнесенность к той или иной эпохе, и на этой основе выделяет четыре типа: просветительский, романтический, реалистический и модернистский романы. Для просветительского типа характерна сосредоточенность на рациональности («Телемак» Финелона), модернистский тип показывает героя, потерянного в художественном пространстве и – шире – в культуре распада эпохи («Игра в бисер» Германа Гессе); романтический тип проявляет особый интерес к описанию внутренних изменений героя; в реалистичном типе конкретно прослеживается связь изменений внешних с изменениями внутренними (пятый тип бахтинской классификации).

Каковы же типичные черты романа воспитания (нем. *Bildungsroman*) в его классическом проявлении, если исходить из вопроса о его отличительных признаках? Исходя из положения о том, что роман – это становящийся жанр и что роман не дает стабилизироваться ни одной из собственных разновидностей, можно объяснить тот факт, что роман воспитания не поддается четкому определению и сам термин не отличается особенной конкретностью (нет однозначного перевода на русский язык слова *Bildung*, в немецком языке оно обозначает «образование», «формирование», «воспитание»). Поэтому можно говорить только о целой системе признаков романа воспитания, типичное сочетание которых и позволяет отнести произведение к этой жанровой разновидности.

Под термином «роман воспитания» прежде всего подразумевается произведение, доминантой всего построения сюжета которого является процесс воспитания героя: жизнь для героя становится школой, а не ареной для борьбы,

как это было в приключенческом романе. Герой романа воспитания не думает о последствиях своих поступков, он не ставит перед собой только узко практические цели, к достижению которых стремился бы, подчиняя им все свое поведение. Он пытается найти себя самого. Его ведет сама жизнь, преподнося ему урок за уроком, и он понемногу приходит к возможности быть полезным для общества. Герой романа воспитания, в отличие от героя авантюрного романа, важен сам по себе, интересен своим внутренним миром, его развитием, которое проявляется во взаимоотношениях с другими персонажами и обнаруживается в столкновениях с внешним миром. События внешнего существования изображаются автором с учетом этого внутреннего психологического развития. Автор романа заставляет читателя увидеть, как жизнь, начиная с детского возраста человека и до завершения формирования его характера, преподносит ему урок за уроком, учит своими положительными и отрицательными проявлениями, светлыми и темными сторонами, учит, включая в активную деятельность и оставляя в ряде случаев пассивным наблюдателем, учит познавать теорию и практически применять полученные знания в жизни. Каждый урок – новая ступень в развитии героя. Главный герой романа воспитания стремится к полноценной деятельности, направленной на установление гармонии в человеческих отношениях. Поиски высшего познания, смысла жизни – важная его черта. Основой построения образа героя является становление его с детских лет до момента, когда он предстанет перед читателем человеком с вполне оформившимся мировоззрением и относительно устойчивыми чертами характера, человеком, сочетающим в равной мере и физическое и духовное развитие. Отсюда следует, что вся сюжетная линия романа воспитания ведется автором через изображение внутренней жизни героя методом интроспекции. Герой сам следит за своим совершенствованием, становлением своего сознания. Все, что происходит вокруг него, события, в которых участвует он сам или наблюдает за ними со стороны, свои собственные дела и дела других людей оцениваются героем в плане воздействия их на его чувства и сознание. Он сам отмечает все, на его взгляд,

являющееся не важным и закрепляет все положительное, что предлагает ему жизнь. Впервые в романном жанре рождаются в этой связи внутренние монологи героя, в которых он рассуждает сам с собой, иногда рассматривает себя как бы со стороны. Раздумья над конкретным отрезком времени, анализ своего поведения и выводы, делаемые героем, иногда превращаются в целые экскурсы в прошлое, в воспоминания, которые выделяются автором в особые главы. В таком сюжете не всегда присутствует четкость, так как весь интерес автора устремлен на становление личности и все действие романа сосредоточено вокруг этого главного героя, главных этапов его духовного развития. Другие же действующие лица бывают очерчены схематично, их жизненные судьбы до конца не раскрыты, так как они выполняют в романе эпизодическую роль: способствуют в данный миг изменению характера героя. Те стадии развития, через которые проходит герой романа воспитания, часто стереотипны, то есть отличаются совокупностью параллелей в других наглядных примерах этой же жанровой разновидности. Например, детские годы героя проходят зачастую в месте достаточно изолированном от всех неурядиц жизни. Ребенок или впитывает от воспитателей безукоризненные, идеальные понятия о действительности, или, предоставленный самому себе, создает свой собственный фантастический мир, в котором существует до первых серьезных конфликтов с реальным миром. Отрицательным эффектом такого воспитания являются душевные переживания героя – типичная черта романа воспитания.

Автор выстраивает фабулу на борьбе нежизненных идеалов героя с повседневной жизнью общества. Каждое столкновение – воспитательный момент, так как никто не может так верно воспитать человека, как это может сделать сама жизнь, и жизнь уничтожает все иллюзии, заставляя героя постепенно вырабатывать в себе качества, которые нужны человеку для пребывания среди других людей. Многообразны конфликты, происходящие между героем и деятельной жизнью, в которую он не спеша включается. Но путь героя романа воспитания, в процессе которого происходит настоящее становление его личности, в основном приводит к одному: это путь человека от

крайнего индивидуализма к обществу, к людям, путь исканий и разочарований. Путь разбитых иллюзий и новых надежд формирует и еще одно отличие романов воспитания: герои их в результате своего становления приобретают качества, которые роднят их между собой: богатая фантазия в детстве, восторженность, доходящая до экзальтации в юношеские годы, честность, тяга к знаниям, стремление к активной деятельности, направленной на установление справедливости и гармонии в человеческих взаимоотношениях, склонность героя к философским размышлениям, раздумьям. Отсюда через весь роман часто проходят философско-этические мотивы, которые преподносятся читателю через раздумья героя, или, как правило, в виде споров-диалогов. Размышления на философские, моральные, этические темы в романах воспитания – явление не случайное. В них более, чем в каких-либо других романских разновидностях сказывается личный опыт автора.

Таким образом, для романа воспитания характерны такие признаки, как моноцентризм повествования; изображение общества как школы жизни героя; подчиненная роль второстепенных персонажей; мотив испытаний; дистанция между автором и миром персонажа; дидактизм.

В данной главе мы рассмотрели своеобразие романа как жанра, описали основные этапы его становления. Подробно изучили такую его жанровую разновидность, как роман воспитания. Рассмотрели классификации данной жанровой разновидности, предложенные М.М. Бахтиным и А.А. Садриевой. Опираясь на исследования М.М. Бахтина, В. Пашигорева, В.В. Кожина, А.А. Садриевой, мы выявили типологические черты романа воспитания.

Используя в качестве теоретической базы для собственного исследования классификацию М.М. Бахтина, попробуем выявить элементы романа воспитания в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова, посвятив этому следующую главу нашей работы

II. Отражение элементов романа воспитания в «Обыкновенной истории»

И.А. Гончарова

2.1 Эволюция мировоззрения Александра Адуева как отражение «типически повторяющегося пути становления человека»

Как отмечает Е.А. Краснощекова, «определение жанра «Обыкновенной истории» имеет принципиальное значение для понимания самого существа этого романа и соответственно оценки уровня искусства Гончарова» [Краснощекова 1997: 67]. Далее исследователь дает характеристику работ, в которых говорится о жанровой специфике романа Гончарова. Она отмечает, что «американский славист Мильтон Эре находит в «Обыкновенной истории» жанровые приметы поучительной «комедии нравов и положений» с ее «абстрактностью, навязчивой симметричностью, осудительным взглядом на главный характер и концентрацией на единственной комической ситуации, которая упорно движется к заключительному разрешению» <...> Психологизм романа Гончарова, воплощенный прежде всего в главном герое, полностью отрицается. В исследовании Эре Александр предстает как «грубовато обрисованный комический тип» <...> Следуя логике своего анализа, Эре находит, что в целом «комедия нравов» у Гончарова не состоялась: «в ней недостаточно остроумия, прелести и элегантности, которые должны быть присущи лучшим образцам этого жанра». <...> По мнению другого американского слависта Всеволода Сечкарева, Александр – «подлинно романский герой»: «именно его духовное развитие привлекает главное внимание автора... Так как только одно его развитие исследуется в романе, все другие характеры разворачиваются настолько, насколько они имеют отношение к этому герою» [Краснощекова 1997: 50-51]. В советском литературоведении жанровую природу «Обыкновенной истории» определяли как социальный (социально-бытовой) или иногда – социально-психологический роман. Е.А. Краснощекова указывает на то, что «сегодняшние русские исследователи

отходят от устоявшихся определений, но довольно осторожно: «Обыкновенная история», «являясь общественно-психологическим романом, вбирает в себя и черты философского просветительского романа, а в еще большей степени – романа воспитания: почти во всем ее протяжении показывается процесс перевоспитания главного героя» [Краснощекова 1997: 51].

В работе «Роман воспитания и его значение в истории реализма» М.М. Бахтин вычленяет в европейском романе, исходя из принципа оформления главного героя, «роман становления». Ученый подчеркивает, что «ни одна конкретная историческая разновидность не выдерживает принципа в чистом виде, но характеризуется преобладанием того или иного принципа оформления героя» [Бахтин 1979: 79]. Так как в художественном произведении все элементы взаимопределяют друг друга, принцип оформления героя связан с типом сюжета, концепцией мира, композицией романа. В этой связи нельзя не согласиться и с мнением Е.А. Краснощековой о том, что « в «Обыкновенной истории» жанровая чистота не выдержана и прежде всего потому, что сам принцип оформления героя непоследователен: универсальная психологическая задача потеснена, <...>, обличительной» [Краснощекова 1997: 51-52]. Однако тип сюжета, концепция мира, композиция этого произведения таковы, что позволяют связать «Обыкновенную историю» с жанром, в котором «прежде всего необходимо строго выделить момент существенного становления человека» [Бахтин 1979: 201]. Опираясь на предложенную М.М. Бахтиным классификацию романа становления, попробуем охарактеризовать роман Гончарова как «роман воспитания в точном смысле».

В романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история» центральной фигурой является Александр Адуев, который живет со своей матушкой в родовом имении Грачи. Здесь весь мир «крутится» вокруг Александра: «Люди ходили, однакож, на цыпочках и говорили шепотом, чтоб не разбудить молодого барина» [Гончаров 1999: 8]. , «Ну, погляди вокруг себя: все смотрят тебе в глаза. А дочка Марьи Карповны, Сонюшка? Что... покраснел? Как она, моя голубушка – дай бог ей здоровья – любит тебя: слышь, третью ночь не спит!»

[Гончаров 1999: 9]. Но Александру становится скучно жить в Грачах, и он уезжает из своего родового имения, чтобы попытаться счастья в промышленном городе – Петербурге: «Ему скоро тесен стал домашний мир. Природу, ласки матери, благоговение няньки и всей дворни, мягкую постель, вкусные яства и мурлыканье Васьки – все эти блага, которые так дорого ценятся на склоне жизни, он весело менял на неизвестное, полное увлекательной и таинственной прелести» [Гончаров 1999: 10].

Уход из «дома» – тот самый решающий момент, с которого начинаются «годы учения». Устойчивая метафора открывающейся жизни – «дорога». Если в «романе странствий» («романе больших дорог») отдается полное предпочтение координатам пространства перед временными, то в романе воспитания все наоборот. Хотя смена места жизни для Адуева принципиальна, сама дорога осмысливается не в пространственных, а во временных координатах, – Александру предстоит дорога длиной в пятнадцать лет.

Юный Александр мечтал о «колоссальной страсти», «о славе писателя», «о пользе, которую он принесет отечеству» в столице. «Перед ним расстилалось много путей, и один казался лучше другого. Он не знал, на который броситься. Скрывался от глаз только прямой путь, заметь он его, так тогда, может быть, и не поехал бы» – пишет автор [Гончаров 1959: 132]. Этот «прямой путь» в контексте романа воспитания – путь самообретения (самопознания и самооценки). Дорога страданий и разочарований в период взросления – это и есть та дорога, которую проходит любой человек. Пребывание в Петербурге сделало эту дорогу для Александра куда более тяжелой, чем могла бы быть в усадьбе, где «и самолюбие, и гордость, и честолюбие – все, в малом размере, коснулось бы сердца в тесных границах... уезда» [Гончаров 1999: 12]. Убежденный в собственной талантливости, он лелеет надежду, что перед ним везде распахнутся двери, что его ожидает признание на общественном (прежде всего литературном) поприще.

Но, не успев приехать в Петербург, Александр начинает испытывать сначала удивление, а потом и разочарование. Оказалось, что его поэзия,

оторвана от реальности, его стихи пригодны лишь на оклейку стен, что жить одними восторгами невозможно: нужно «дело делать». Герою пришлось, скрепя сердце, переводить статьи о «картофельной патоке» и «наземе», постоянно переписывать документы. Развелись надежды и о неземной любви: ему изменила та, которую он считал идеалом человеческого совершенства (история взаимоотношений Александра и Наденьки). Будничным повествованием закончилось знакомство с Юлией Тафяевой. Александр огорчен. «Прошлое погребло, будущее уничтожено, счастья нет: все химера а – живи!» [Гончаров 1987: 115] – говорит он. Все же, переживания героя, появившиеся, как показывает Гончаров, на почве столкновения ложной мечты с действительностью, не были глубокими. Уехав из Петербурга во время горьких переживаний, он довольно скоро возвращается в столицу, но уже с другими целями. Александр отказывается от «возвышенных чувств», примиряется с действительностью, готов «дело делать». «Нельзя же погибнуть здесь! – говорит он о своем родовом имении. – Все вышли в люди... я только один отстал» [Гончаров 1999: 121].

Немаловажную роль в романе играет фигура дядюшки Александра. Петр Адуев – богатый чиновник и фабрикант-предприниматель, знающий толк в людях, в коммерческих делах. Он образован, умен, читает на двух языках, посещает театр, разбирается в искусстве. Словом, это человек в духе своего времени – ценит дела, а не слова. В отрезвлении Адуева-младшего он сыграл большую роль. «Твоя глупая восторженность никуда не годится: забудь эти священные да небесные чувства, да приглядывайся к делу», – говорит он племяннику [Гончаров 1987: 136]. В словесных баталиях с Александром он аргументированно разъясняет ошибочность романтической экзальтации и приобщает племянника к реальной жизни. Петр Адуев – представитель новой, европейски образованной чиновно-буржуазной прослойки. Вместе с тем Гончаров понимал, что развитие новых коммерческих отношений может привести не только к крушению «дворянских гнезд», но и к затуханию живых человеческих эмоций. Не хорош Александр Адуев с его слезливой

чувствительностью, неумеренными восторгами, но и Адуев-старший не без недостатков в характере. Он очень прозаичен при всем своем уме, строг и расчетлив. Возможно, это не вина человека: он полностью занят своими «делами». Но «дело» его, как оказывается, не имеет поэзии, красок. Это сказалось и на его отношениях с супругой. Лизавета Александровна, живя в уюте и комфорте, увядала с каждым днем, хотя физически была вполне здорова. Причина такого состояния в том, что женщина ощущала отсутствие одухотворенного труда, возвышенной цели, теплого внимания со стороны мужа. Показав победу деловитости над поэзией и красотой, автор тем самым скептически оценил современные ему буржуазные отношения, которые с самого начала были далеки от идеала.

Нужно обратить внимание на то, что и дядюшка прошел почти тот же путь, что и Александр: романтический восторг, испытания и разочарования, и, наконец, познание мира.

Так, М.М. Бахтин указывает на то, что циклическое становление личности, «рисует некоторый типически повторяющийся путь становления человека от юношеского идеализма и мечтательности к зрелой трезвости и практицизму». [Бахтин 197: 69]. Этот признак наглядно реализуется как в образе Александра Адуева, так в образе и Петра Адуева: «Петр Иванович Адуев, дядя нашего героя, так же как и этот, двадцати лет был отправлен в Петербург старшим своим братом, отцом Александра, и жил там безвыездно семнадцать лет» [Гончаров 1999: 82]. Но есть одно существенное различие между становлением личности Александра и Петра Адуевых. Присутствие дядюшки в романе играет существенную роль. Он для Александра является так называемым «руководителем» или «наставником». Наличие «наставника» в романе – еще один существенный признак романа воспитания. Благодаря «опеке» дядюшки становление и «отрезвление» юного Александра происходит быстрее и безболезненнее, потому что дядюшка не только наставляет и ругает племянника, но иногда и поддерживает его. Александру повезло больше, чем его дядюшке: у Петра Александровича не было никого в большом городе, ему

приходилось всего добиваться самому, без чьей-либо посторонней помощи. Со временем, благодаря своему труду и упорству он стал богатым чиновником: «В Петербурге он слыл за человека с деньгами, и, может быть, не без причины; служил при каком-то важном лице чиновником особых поручений и носил несколько ленточек в петлице фрака; жил на большой улице, занимал хорошую квартиру, держал троих людей и столько же лошадей» [Гончаров 1999: 87]. Он постоянно говорит Александру, что ему повезло и он в Петербурге не один, у него есть дядюшка, который всегда готов прийти на помощь своему племяннику: «Помни же, Александр, что у тебя есть дядя и друг – слышишь? и если понадобятся служба, занятия и презренный металл, смело обратись ко мне: всегда найдешь и то, и другое, и третье» [Гончаров 1999: 149].

Во второй главе и сам дядя, беспощадно насмехающийся над романтическим провинциализмом племянника («вещественными знаками невещественных отношений», «желтыми цветами», подражательными стихами), кажется, тем не менее, с пониманием смотрит на него: «...школа ваша только что начинается», – предупреждает дядя. Старший Адуев (пусть и без удовольствия) принимает на себя наставнические обязанности: «я стараюсь навести тебя на настоящую дорогу и облегчить первый шаг» [Гончаров 1999: 187], а, увидев сопротивление со стороны Александра, замечает: «ты упрямишься: ну как хочешь, я только говорю свое мнение, а принуждать не стану, я тебе не нянька» [Гончаров 1999: 93]. Упрямство – признак юного и неглубокого ума – очевидная примета Александра, нежелание принуждать – из кодекса Петра Ивановича – «человека хорошего тона». В третьей главе Александр влюбляется, и просто перестает слышать отрезвляющие слова дяди. Но, вероятнее всего, дело не столько в психологических мотивировках, сколько в авторской воле Гончарова, развивающего в начале романа обличительный замысел. Автора более устраивал старший Адуев не столько в роли терпеливого учителя, личности, что находится обычно в сложных отношениях со своим учеником (часто на равных), сколько в роли насмешливого оппонента-судьи. Далее в романе образ Петра Адуева практически не развивается: он усердно

выполняет ту же самую роль критика юного Александра, который, в свою очередь, страдает и взрослеет. Постепенно в речах дяди появляются интонации усталого раздражения. А во второй части романа, уступив место «няньки» жене, он уподобляется маловлиятельной сюжетной фигуре, лишь в эпилоге Адуев-старший возвращается на авансцену.

«Прошло более двух лет» – ключевая фраза к третьей главе, поскольку в романе воспитания «изменение героя приобретает сюжетное значение, а в связи с этим в корне переосмысливается и перестраивается весь сюжет романа. Время вносится вовнутрь человека, входит в самый образ его, существенно изменяя значение всех моментов его судьбы и жизни». Глава открывается развернутым портретом Александра в непосредственном сопоставлении с его же обликом в момент приезда в столицу: «Мягкость линий юношеского лица, прозрачность и нежность кожи, пушок на подбородке – все исчезло. Не стало и робкой застенчивости, грациозной неловкости движений. Черты лица созрели и образовали физиономию, и физиономия обозначила характер. Лилии и розы исчезли, как будто под легким загаром. Пушок заменился небольшими бакенбардами. Легкая и шаткая поступь стала ровною и твердою походкою. В голосе прибавилось несколько басовых нот. Из подмалеванной картины вышел окончанный портрет. Юноша превратился в мужчину» [Гончаров 1999: 193]. В портрете очевиден двойной акцент: и на прелести ранней юности (лилии и розы), и на мужанин. Опыт лет отложился и на поведении героя: «Он не бросался всем на шею, особенно с тех пор, как человек, склонный к искренним излияниям, несмотря на предостережения дяди, обыграл его два раза, а человек с твердым характером и железной волей перебрал у него немало денег взаймы... И вот он начал учиться владеть собой, не так часто обнаруживал порывы волнения и реже говорил диким языком, по крайней мере, при посторонних» [Гончаров 1999: 214]. В описании превалируют слова из лексикона Александра («искренние излияния», «человек с твердым характером и железной волей»), поскольку прослеживается (с четкой констатацией временных промежутков) именно его «школа жизни». Но выражение «дикий язык» принадлежит Петру

Адуеву, с которым в первой части романа обычно солидаризируется и сам автор. Перед нами очередное проявление «скрытой диалогичности» гончаровского текста, которая отличается по форме выражения от «внешне наиболее очевидных, но грубых форм диалогизма», воплощающих «узкое понимание диалогизма как спора, полемики, пародии» [Пруцков 1962: 128]. Примечательно, что через диалоги-споры дяди и племянника писатель выходит к формам «скрытой диалогичности», которые торжествуют в спорах дяди и племянника, питаемых энергией контраста мироощущений двух возрастов.

Александр в логике молодости упрямо оберегал свой внутренний мир, где правило сердце, от дядиною «холодного разложения на простые начала всего, что волнует и потрясает душу человека» [Гончаров 1999: 34]. На поучения дяди он отвечает эмоциональным взрывом: «Я хочу жить без вашего холодного анализа, не думая о том, ожидает ли меня впереди беда, опасность или нет – все равно!.. Зачем я буду думать заранее и отравлять...» [Гончаров 1999: 41]. Петр Адуев связывает этот бунт с инфантильностью избалованного «маменькиного сынка»: «Ему говорят: вот начало, смотри же соображай по этому конец, а он закрывает глаза, мотает головой, как при виде пугала какого-нибудь, и живет по-детски» [Гончаров 1999: 42]. Господству детской безответственности Адуев-старший противопоставляет требования взрослого мира: «Здесь надо дело делать, для этого беспрестанно надо думать и помнить, что делал вчера, что делаешь сегодня, чтобы знать, что нужно делать завтра, то есть жить с непрерывной поверкой себя и своих занятий» [Гончаров 1999: 47].

Но скучные поучения, рожденные чужим опытом, не могли повлиять на Александра: ему предстояло самостоятельное «воспитание чувств».

Таким образом, с Александром Адуевым происходит «обыкновенная история», такая же обыкновенная, как и с его дядюшкой и с любимыми другими романтическими натурами. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что изображение типически повторяющегося пути человека; наличие циклического времени; показ образа «становящегося человека»; «изображение мира и жизни как опыта, как школы, через которую должен пройти всякий

человек и вынести из нее один и тот же результат – протрезвение» [Бахтин 1979: 71]; наличие «воспитателя», «наставника» на этом пути – типологические черты романа воспитания, выделенные нами в «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова, которые позволяют отнести произведение ко второму типу («роман воспитания в точном смысле») в классификации М.М. Бахтина.

2.2 Специфика диалогического конфликта романа «Обыкновенная история» И.А. Гончарова

Указывая на необходимость определения жанра «Обыкновенной истории» как на фактор, который «имеет принципиальное значение для понимания самого существа этого романа», Е.А. Краснощекова обращает внимание на «субъективный элемент» в произведениях Гончарова и отмечает, что «по мнению Гали Димент, «Обыкновенная история» подходит (по жанру) под определение двух вариантов «романа становления» (в градации Бахтина): «романа воспитания» и романа «биографического (автобиографического)». Подобный симбиоз, – отмечает исследователь, – именуется «автобиографическим романом „сосуществующего сознания”». Как пишет американский славист, Гончаров использовал раздвоение своего «я» (каждый из Адуевых воплощает одну из сторон личности Гончарова: «неизлечимого романтика» и скептического чиновника), чтобы решить несколько важнейших задач, персональных и чисто художественных. <...> По мнению Димент, в «Обыкновенной истории» автобиографичность была в итоге принесена в жертву популярному жанру той эпохи (роману воспитания) с явным ущербом для художественного результата: «Как писатель, который, очевидно, не верил, что каждая личность проходит «через неповторимые стадии», Гончаров снизил свой собственный опыт до уровня предсказуемого и привычного пути в его автобиографическом «романе воспитания». Поступив таким образом, он одновременно придал своей работе видимость «обыкновенной истории» и

выразил свой глубокий скептицизм по поводу убедительности общепринятого мифа о прогрессе в развитии человека» [Краснощекова 1997: 84-86]. Однако Е.А. Краснощекова высказывает несогласие с этой позицией американского ученого: «С этими заключениями трудно согласиться: Гончаров отнюдь не придал судьбе Александра «видимость обыкновенной истории», он описал историю, повторяющуюся во все времена и на всех континентах, историю нелегкого взросления человека. Гончаров не считал прогресс мифом, а вслед просветителям XVIII века верил в достижение человечеством более достойного существования (другое дело, что он трезво сознавал трудность движения по пути Цивилизации и Прогресса <...>. Но, что важнее всего, Гончаров отнюдь не снизил свой личный опыт до уровня опыта обычного человека, а наоборот, романист придал частному (личному) опыту общечеловеческую масштабность, что подтверждается на всех этапах адуевской «школы жизни», начиная с эпизодов обретения и потери первой любви» [Краснощекова 1997: 86]. Полностью разделяя мнение Е.А. Краснощековой, мы также отметим, что все сказанное ею, с одной стороны, еще раз подтверждает правомерность отнесения первого романа И.А. Гончарова ко второму типу романа воспитания (в классификации М.М. Бахтина), а, с другой стороны, позволяет оспорить мнение американского исследователя о том, что «Обыкновенная история» подходит под определение романа «биографического (автобиографического)». На наш взгляд, произведение Гончарова скорее соотносится с пятым типом, в котором становление человека происходит вместе со становлением мира, человеку приходится меняться в связи с меняющимися устоями мира, когда «образ становящегося человека начинает преодолевать здесь свой приватный характер (конечно, до известных пределов) и выходит в совершенно иную, просторную сферу исторического бытия» [Бахтин 1979: 51]. В этой связи необходимо обратить внимание на диалогический конфликт «Обыкновенной истории».

Конфликт, присутствующий в произведении между дядей и племянником, призван был отразить весьма характерные явления русской общественной

жизни 1840-х годов, нравы и быт той эпохи. Диалогический конфликт в романе представлен как в узком, так и в широком значении. Диалог в узком смысле – это спор Александра со своим дядюшкой, при этом спорят между собой не просто люди, а жизненные позиции этих людей. «В борьбе дяди с племянником отразилась и тогдашняя, только что начинавшаяся ломка понятий и нравов – сентиментальности, карикатурного преувеличения чувств дружбы и любви, поэзия праздности, семейная и домашняя ложь напускных, в сущности небывалых чувств, пустая трата времени на визиты, на ненужное гостеприимство», – писал Г.А. Цейтлин [Цейтлин 1950: 236].

В широком же значении диалогический конфликт составляет противостояние двух жизненных философий, обусловленных двумя стадиями развития общества – патриархальной и капиталистической, он воплощен в противостоянии патриархальной деревни Грачи и деятельного, промышленного Петербурга. Александр не может принять городского уклада жизни, ему чужды нравы и обычаи горожан: «Не хорошо говорю! – думал он, – «любовь и дружба не вечны?» – не смеется ли надо мною дядюшка? Неужели здесь такой порядок?» [Гончаров 1999: 121]. Дядюшка Александра практичный, шагающий наравне со временем человек, он пытается помочь Александру приспособиться к городу, поэтому отрицает во всех смыслах его понятия о жизни, дает о ней представление с практической точки зрения: «С твоими понятиями жизнь хороша там, в провинции, где ее не ведают, – там и не люди живут, а ангелы: вот Заезжалов – святой человек, тетушка твоя – возвышенная, чувствительная душа, Софья, я думаю, такая же дура, как и тетушка, да еще...» [Гончаров 1999: 127]. Александр не может понять «холодности» дядюшки по отношению к нему, об этом он пишет своему другу Пospелову: «Едучи сюда, я думал, что он, как дядя, даст мне место в сердце, согреет меня в здешней холодной толпе горячими объятьями дружбы; а дружба, ты знаешь, второе провиденье! Но и он есть не что иное, как выражение этой толпы. Я думал делить с ним вместе время, не расставаться ни на минуту, но что встретил? – холодные советы, которые он называет дельными; но пусть они лучше будут недельны, но полны

теплого, сердечного участия» [Гончаров 1999: 98]. Мы видим, что для Александра важны чувства, участие близкого человека в его жизни. Для Петра Адуева это совершенно не приемлемо, он человек другого склада: «Ты прежде всего забудь эти священные да небесные чувства, а приглядывайся к делу так, проще, как оно есть, право лучше, будешь и говорить проще» [Гончаров 1999: 104].

Те обстоятельства, которые для Петра Адуева являются обыкновенными, для Александра таковыми вовсе не являются. Ему предстоит пройти испытание ими. Писатель погружает его в реальные, а не мечтательные отношения чиновничьей службы, журналистской деятельности, родственных связей с дядюшкой и любви. Интересно, что для отражения этого противостояния Гончаров использует даже «спор» пейзажных описаний.

В «Обыкновенной истории» присутствуют два пейзажа: городской (Петербург) и деревенский (Грачи), которые в романе И.А. Гончарова представляют собой две жизненные философии. Пейзажи также ведут своеобразный диалог, как Петр и Александр Адуевы, тем самым подчеркивают главный конфликт романа. Не случайно при рассмотрении художественного мира «Обыкновенной истории» критики прежде всего уделяли внимание «диалогической композиции романа». Так, В.Г. Белинский утверждал, что структурный принцип романа, основанный на чередовании «драматических споров» героев, является той формой, в которой наиболее ярко может раскрыться их характер. И противостояние двух пейзажей: городского (Петербург) и деревенского (Грачи), на фоне которых разворачивается действие, лишь помогает понять характеры героев и суть конфликта между ними.

И.А. Гончаров постоянно показывает читателю противостояние двух пейзажей: городского и деревенского. Подтверждением этому служит и описание одного жаркого дня в Петербурге: «Солнце животворило поля, но морило петербургские улицы, накаливая лучами гранит, а лучи, отскакивая от камней, пропекали людей» [Гончаров 1999: 147]. Как отмечает исследователь

Х.Э. Керлот в «Словаре синонимов», солнце является символом жизни. В романе «Обыкновенная история» И.А. Гончаров при помощи образа солнца показывает отчужденность города от мира природы. Жизнь в городе мучительна для человека, она не приносит ему радости: «Люди ходили медленно, повесив головы, собаки – высунув языки. Везде было скучно, сонно» [Гончаров 1999: 81].

Таким образом, И.А. Гончарову удалось заметить и выставить на обозрение читающей публики один из основных конфликтов 40-х годов XIX века: между патриархальной барщиной и зарождающейся деловой жизнью. Им показаны характерные черты нового общества: уважение к труду, рационализм, профессионализм, ответственность за результат своего труда, почитание успеха, рассудочность, дисциплина.

По замыслу писателя, помещичий уклад, возраставший Александра Адуева, праздная, без напряженного труда души и тела обстановка помещичьей усадьбы – это и есть социальные причины, обусловившие полную неподготовленность «романтика» Адуева к пониманию действительных потребностей современной общественной жизни.

Эти потребности, до известной степени, воплощены в фигуре дяди Петра Ивановича Адуева. Однако писатель, разумеется, отнюдь не склонен идеализировать нравственный облик представителя новой, победившей «философии дела». Жертвой этой «философии» предстает в эпилоге романа и дядюшка, который потерял любовь и доверие жены и сам очутился на пороге полной душевной опустошенности. И.А. Гончаров подвергает испытанию взгляды на жизнь Адуева-старшего, который являет собой тип безраздельного прагматика. Если Александр чурался житейской прозы, то Петр Адуев ее абсолютизирует. Дядя – это тип человека-машины, он мыслит по-другому: карьера, фортуна, чины и деньги. Он ищет в жизни максимум комфорта.

Здесь мы подходим к пониманию сути конфликта в первом романе Гончарова. Типы «романтика» и «человека дела» для писателя – это не только и не столько знаки принадлежности героя к определённому сословию, профессии

или даже культурно-бытовой микросреде («провинция» или «столица»). Это, прежде всего, понятые и трактуемые весьма широко «вечные типы» и даже (в иносказательном плане) «вечные» полюса человеческого духа.

Недаром судьбы героев обрастают множеством литературных реминисценций. Например, речи и поступки Александра постоянно «рифмуются» (в виде прямых цитат, аллюзий) с судьбами многих героев европейской литературы, таких же «разочарованных идеалистов», как и он сам. Здесь и гетевский Вертер, и шиллеровский Карл Моор, и Евгений из пушкинского «Медного всадника», и бальзаковский Люсьен де Рюбампре из «Утраченных иллюзий». Выходит, что «романтическая биография» Александра Адуева – настолько же биография русского провинциального романтика 1840-х годов, насколько и биография «интернациональная», «едва заметное кольцо в бесконечной цепи человечества» [Спиридонова 1912: 146]. К такому выводу подталкивает героя сам Гончаров в эпизоде, где описывается состояние Александра после поразившей его воображение вдохновенной игры заезжего скрипача. Не мудрено, что порой и свой спор с дядюшкой Александр воспринимает сквозь призму сюжета известного пушкинского стихотворения «Демон», и тогда Петр Иванович ему представляется в образе «злобного гения», искушающего неопытную душу.

Смысл «демонической» позиции Петра Ивановича заключается в том, что человеческая личность для него – всего лишь механический слепок. Любовь он объявляет «сумасшествием», «болезнью» на том основании, что она-де только мешает карьере. А потому он не признает власти сердечных увлечений, считая человеческие страсти «ошибками, уродливыми отступлениями от действительности» [Гончаров 1999: 119]. Так же он относится к «дружбе», «долгу», «верности». Всё это дозволяется современному человеку, но в границах «приличий», принятых в обществе.

Одним из уроков жизненной мудрости стало для Александра открытие благотворной, возвышающей силы страданий и заблуждений: они «очищают

душу», делают человека «причастным всей полноте жизни». Эта мудрость и помогает разобраться в непреходящей сути спора между дядей и племянником.

Не потому ли в финале Петр Иванович так жестоко расплачивается за свою деловитость, что он слишком быстро поспешил принять «правду» «века» и так легко и равнодушно расстался и с «жёлтыми цветами», и с «ленточкой», украденной из комода возлюбленной, и с иной «романтической чепухой», которая все же наличествовала в его жизни? Гончаров развенчал и позицию племянника, и позицию дяди. Романтизм и прагматизм – это две крайности. Гончаров искал гармонии между этими крайностями. В споре Адуевых нет победителя. Дядя строго логически отстаивает идеи исторического прогресса, связанного с капиталистическим развитием. В племяннике же писателю дороги лирический пафос, вера в силу человеческих чувств, живое движение сердца.

Однако превращение Александра – «романтика» в «реалиста» отличается от аналогичного дядюшкиного превращения тем, что «трезвый взгляд» на жизнь он принимает, предварительно пройдя все ступеньки романтической школы жизни, «с полным сознанием её истинных наслаждений и горечи» [Гончаров 1999: 57]. А потому выстраданное «реалистическое» мировосприятие для Александра вовсе не есть «необходимое зло» «Века», в угоду которому нужно непременно задавить в себе всё поэтическое.

Нет, Александр совсем по-пушкински начинает, как замечает автор, «постигать поэзию серенького неба, сломанного забора, калитки, грязного пруда и трепака» [Гончаров 1999: 114], т.е. поэзию «прозы жизни», потому-то герой опять рвётся из Грачей в «деловой», «неромантический Петербург, что он постепенно проникается и своеобразной «романтикой дела». Недаром в письме к тетушке он «могучей союзницей» своей романтической влюблённости в жизнь полагает теперь деятельность. Его «душа и тело просили деятельности», [Гончаров 1999: 132] – замечает автор. Существенным при этом является тот факт, что «прозрение», взросление Александра Адуева происходит на фоне ломки старых жизненных устоев, «дается в неразрывной связи с историческим становлением. Становление человека совершается в реальном

историческом времени с его необходимостью, с его полнотой, с его будущим, с его глубокой хронотопичностью. <...> Это уже не его частное дело. Он становится вместе с миром, отражает в себе историческое становление самого мира. Он уже не внутри мира, а на рубеже двух эпох, в точке перехода от одной к другой. <...> Меняются как раз устои мира, и человеку приходится меняться вместе с ними» [Бахтин 1976: 194]. Не случайно Александр, который в финале романа предстает полным подобием своего дяди, человеком, изменившим своим юношеским возвышенным мечтам, на замечание тетушки о том, как он переменялся отвечает: «Что делать...! век такой. Я иду наравне с веком: нельзя же отставать!» [Гончаров 1999: 132].

Таким образом, мы рассмотрели конфликт между Александром Адуевым и его дядюшкой, их противоречивые жизненные позиции, а также спор между капиталистическим и патриархальным укладом жизни. Мы выяснили, что наличие диалогического конфликта в романе «Обыкновенная история» И.А. Гончарова является средством отражения становящегося человека на фоне исторического становления мира.

2.3 Изучение романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история» в школьном курсе литературы

Изучение творчества И.А. Гончарова в школьном курсе истории русской литературы ставит перед учителем не одну проблему: выбор произведений, определение концептуальных акцентов, которые будут важны и интересны для старшеклассников, выбор путей анализа. Роман И.А. Гончарова «Обыкновенная история» изучается по школьной программе Ю.В. Лебедева в 10 классе обзорно, на него отводится в целом два часа.

Б.М. Гринберг в своей статье «Методика изучения классики: «Обыкновенная история» и «Обломов» как диалогия» предлагает для изучения в 10-м классе два романа – «Обыкновенная история» (два часа) и «Обломов» (четыре часа). Этот выбор продиктован своеобразным диалогом произведений,

которые, по мнению исследователя, решают одну общую проблему – проблему обретения гармонии противоположных начал, присущих природе человека.

Изучение «Обыкновенной истории» приводит к необходимости решать полемически острые вопросы: дядя и племянник: герои-двойники или герои-антагонисты? Можно ли считать историю превращений главных героев «обыкновенной»? Возможно ли обрести гармонию между сердцем и разумом? На кого возлагает автор ответственность за духовную несостоятельность и жизненное поражение героев? Неизбежна ли утрата романтических взглядов на жизнь в процессе взросления?

Б.М. Гринберг предлагает двухчасовой урок по роману провести в виде диспута или беседы по опережающим индивидуальным заданиям. В качестве опережающих индивидуальных заданий он предлагает следующие вопросы по тексту:

1. Какова роль первой главы в композиции романа? Что мы узнаем из этой главы об Адуеве-младшем?
2. Найдите в тексте произведения портретные зарисовки Александра Адуева. Проследите изменения в его внешности. О чем они свидетельствуют? Какова функция портрета в романе?
3. Проанализируйте речь Александра Адуева в 1 и 2 главах романа. Каково соотношение внешнего и внутреннего слова? Как строится речь героя? Как отражается в ней духовный мир героя? Какова степень его духовной зрелости?
4. В чем индивидуальность авторского повествования в романе «Обыкновенная история»? Какие интонации важны в повествовании? Как относится повествователь к своим героям? Какие устанавливает отношения с читателем?
5. Сравните пейзаж деревни Грачи и картину Петербурга. Чьими глазами увидены эти картины? В чем голос автора и голос героя звучат в унисон? Есть ли какие-то различия в их мнениях?

6. Сделайте анализ споров между дядей и племянником. В чем конфликт героев? Чья позиция, на ваш взгляд, убедительнее? Чья позиция, на ваш взгляд, убедительнее? Какова динамика споров?
7. Почему разуверился Александр Адуев в мечтах о настоящей, идеальной дружбе? Какие это были представления? Как они испытываются жизнью?
8. Расскажите об истории дружбы Александра Адуева и Лизаветы Александровны. Какую роль играет тетюшки в жизни Александра? Почему она не смогла помочь племяннику?
9. Почему одним из важнейших испытаний в жизни Александра Адуева стало испытание любовью? Воспроизведите историю его разочарования в этом чувстве. Выдержал ли герой испытание любовью? Докажите, сделайте вывод.
10. Как представлял себе Александр Адуев свою будущность, в чем он узрел смысл жизни, свое предназначение? Прокомментируйте отношение Александра Адуева к службе. Как оно меняется? Почему не сбылись надежды героя?
11. Сравните героя романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» Владимира Ленского и Александра Адуева. Какие у них общие черты, а какие различные?
12. Можно ли назвать дядю двойником Александра Адуева? Можно ли его антагонистом? Подтвердите свое утверждение.
13. Прокомментируйте финал романа. Что произошло с главными героями? Можно ли считать историю их превращений «обыкновенной»? (См.: Б.М. Гринберг «Методика изучения классики: «Обыкновенная история» и «Обломов» как диалогия», 2011).

В данной дипломной работе, опираясь на программу Ю.В. Лебедева и используя «опережающие задания» Б.М. Гринберг, мы предлагаем урок по роману «Обыкновенная история», в котором учащиеся смогут познакомиться с его жанровыми особенностями.

Урок по теме: «Обыкновенная история» И.А. Гончарова. Жанровые особенности произведения»

Цели урока:

- познакомить учащихся с историей создания «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова;
- дать представление о жанровой специфике романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история»;
- развить умение работать с текстом художественного произведения, используя научную терминологию.

Тип урока: урок-закрепление нового материала.

Методы реализации урока: репродуктивный, частично-поисковый.

Формы организации учебной деятельности на уроке: беседа самостоятельная работа, работа со словарем.

Оборудование: доска, карточки с заданиями, словарь.

Ход урока

I. Организационный момент

Учитель: Добрый день, ребята! Сегодня мы продолжаем изучать творчество великого русского писателя И.А. Гончарова. На прошлом уроке мы познакомились с личной и творческой биографией писателя. Дома вы прочитали роман «Обыкновенная история» и ответили на вопросы.

II. Актуализация знаний учащихся

Учитель: Давайте послушаем сообщение, которое подготовил(а) (имя ученика) об истории создания «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова.

Ученик: Роман «Обыкновенная история» был написан Гончаровым очень быстро, без той медлительности и сомнений, которые были характерны для него впоследствии, во время работы над «Обломовым» и «Обрывом». «Роман задуман был в 1844 году, писался в 1845, и в 1846 мне оставалось дописать несколько глав», – вспоминал Гончаров. По-видимому, уже в 1845 г. «Обыкновенная история» читалась Гончаровым в салоне Майковых, и автор романа внес в свой текст несколько изменений, сообразно с указаниями Валериана Майкова. После этого рукопись «Обыкновенной истории» в течение продолжительного времени находилась у постоянного посетителя литературных салонов М.А. Языкова, который должен был, по просьбе

Гончарова, передать её Белинскому, но не делал этого, считая роман малозначительным. Положение исправил Н.А. Некрасов, который взял эту рукопись у М.Я. Языкова и вручил её Белинскому. По-видимому, весной 1846 г. Гончаров читал первую часть «Обыкновенной истории» в кружке Белинского в доме Лопатина.

Убедившись в том, что «Обыкновенная история» представляет собою отличное произведение, Белинский предложил Гончарову отдать этот роман в альманах «Левиафан», который Белинский предполагал издать в 1846 г. 14 мая 1846 г. Белинский писал жене: «Скажи Маслову, что Некрасов будет в Питере в половине июля, и попроси его вложенное здесь письмо доставить по адресу хоть через Майковых, если он не знает, где живет Гончаров». Надо думать, что в этом письме Белинского речь шла об «Обыкновенной истории» для «Левиафана». В конце июня – уже после отъезда Белинского на юг – Некрасов говорил на эту тему с Гончаровым, но без всякого успеха. Осенью мысль об издании альманаха окончательно отпала, и «Обыкновенная история» была куплена Некрасовым и Панаевым для «Современника». «Мы объяснили Гончарову дело о журнале, – писал Некрасов Белинскому, – он сказал, что Краевский ему дает по 200 рублей за лист; мы предложили ему эти же деньги, и роман этот будет у нас. Другую его повесть я тоже купил у него».

В феврале 1847 г. Гончаров, по свидетельству И. И. Панаева, «сияет, читая свои корректуры, и дрожит от восторга, стараясь в то же время прикинуться совершенно равнодушным». «Обыкновенная история» появилась в третьей и в четвертой (мартовской и апрельской) книгах журнала «Современник». В 1848 г. роман Гончарова был выпущен в свет отдельным изданием.

Учитель: Спасибо за интересное сообщение (имя ученика). А теперь, прежде чем мы приступим к анализу данного романа и выявим его жанровые особенности, давайте вспомним, что такое роман и какие бывают разновидности романа. *(В Большом Энциклопедическом словаре ученики находят понятие романа, его разновидности и записывают в тетрадь).*

Учитель: «Обыкновенная история» И.А. Гончарова относится к жанру романа воспитания. Основными признаками этого жанра являются: наличие наставника или руководителя; типически повторяющийся путь становления человека; воспитание героя через испытания; «крушение идеалов» главного героя; изображение мира и жизни как опыта, как школы.

Учитель: Давайте попробуем соотнести признаки романа воспитания с «Обыкновенной историей» И.А. Гончарова.

(учащиеся с помощью учебника и своих тетрадей соотносят признаки романа воспитания с «Обыкновенной историей», обсуждают вопросы с учителем):

III. Самостоятельная работа

Учитель: На основе нашей беседы заполним таблицу (*учащиеся заполняют таблицу самостоятельно*).

Роман «Обыкновенная история» как роман воспитания

<u>Признаки романа воспитания</u>	<u>Нахождение признаков романа воспитания в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова</u>
1. Наличие наставника или руководителя	<i>Дядюшка, Петр Иванович Адуев (диалогический конфликт между дядей и племянником)</i>
2. Воспитание героя через испытание	<i>Александр испытывает горькие разочарования: «его стихи годятся только на оклейку окон», рухнули мечты о «большой любви», отречение от «возвышенных чувств» и др.</i>
3.«Крушение первоначальных идеалов» главного героя	<i>С Адуевым-младшим происходит «обыкновенная история» – история утраты иллюзий и превращения восторженного романтика в трезвого</i>

	<i>чиновника.</i>
4. Изображение мира и жизни как опыта, как школы	<i>Петербург представлен как «школа жизни» для Александра и в прошлом, для его дядюшки.</i>
5. Эволюция мировоззрения героя в соответствии с этапами его становления	<i>Александр меняет свою точку зрения по отношению к любви, дружбе и в целом ко всей жизни, рассматривая эти вещи с практической стороны.</i>
6. Типически повторяющийся путь становления человека от юношеского идеализма к практицизму	<i>Мы видим как главный герой Александр Адуев на протяжении значительного времени своей жизни приобретает новые черты характера и новый взгляд на вещи. (например: собирается жениться на богатой девушке, не «кидается обнимать дядюшку и др.»</i>

Учитель: Молодцы, ребята! Вы отлично справились с заданием и правильно ответили на вопросы. А теперь следующее «задание со звездочкой». Это задание поможет вам не только правильно формулировать свои мысли, но и научит правильно употреблять литературные термины (*учащиеся дополняют данные предложения, пользуются толковым словарем, выписывают в тетрадь литературоведческие термины*).

– **Диалог** не только количественно преобладает в романе *И. А. Гончарова «Обыкновенная история»*, но и движет **сюжет**, помогая проникнуть в глубь характеров *Александра и Петра Адуевых*.

– **Движущей силой** в романе *«Обыкновенная история»*, являются не внешние события. **Автор** сосредотачивается на внутреннем состоянии главного **героя** – *Александра Адуева*.

– Через испытания, которые столичная жизнь подбрасывает Александру Адуеву, проверяется цельность и степень сформированности его характера на определенном этапе.

– В романе «Обыкновенная история» Гончаров пытается воплотить свою **идею** об *идеальном* человеке, рисуя типы героев, свойственные современной ему эпохе.

– «Обыкновенная история» – типичный **роман воспитания**, изображающий коренные изменения в мировоззрении и характере главного **героя**.

Учитель: На основе сегодняшней работы, сделаем вывод, что роман «Обыкновенная история», несомненно, является романом воспитания, так как имеет все те черты, какие свойственны данному типу. Давайте вспомним какие?

Ученик: К характерным чертам романа воспитания относятся: наличие наставника или руководителя; типически повторяющийся путь становления человека; воспитание героя через испытания; «крушение идеалов» главного героя; изображение мира и жизни как опыта, как школы.

IV. Рефлексия.

- * Чем для вас интересен был урок?
- * Что нового вы узнали на уроке?
- * Что больше всего понравилось?
- * О чём ещё хотелось бы поговорить?

V. Домашнее задание. Выставление оценок.

Напишите мини-сочинение на одну из тем: «Образ Александра Адуева в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история», «Петербург и провинция в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история».

Заключение

Жанр романа является одним из самых значимых и изучаемых жанров в современной отечественной и зарубежной литературе. Термин «роман» возникает в XII веке, за девять столетий своего бытования он успел претерпеть целый ряд смысловых изменений.

В современном литературоведении существуют разные толкования термина «роман». Сопоставив имеющиеся определения романного жанра, мы пришли к выводу, что наиболее полную трактовку данного термина дает С.П. Белокурова. Автор одного из словарей литературоведческих терминов отмечает первоначальное значение, которое вкладывалось в это понятие, при этом указывая и его современную трактовку.

Жанр романа изучали такие исследователи как: С.П. Белокурова, М.М. Бахтин, Е.Н. Краснощекова, Н.В. Сулова, Н.А. Вердеревская, В.В. Кожинов, А. Молнар и другие.

В жанре романа творили многие отечественные и зарубежные писатели. Особый интерес у нас вызывает творчество И.А. Гончарова. Он вошел в литературу как автор трех романов, которые явились важным событием в литературной жизни середины XIX века и еще при жизни их создателя стали классикой. Предметом пристального внимания в нашей выпускной квалификационной работе становится жанровая специфика романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история». Наблюдения над художественной структурой «Обыкновенной истории» позволили нам охарактеризовать первый роман И.А. Гончарова как роман воспитания.

Проблема изучения романа воспитания привлекала внимание зарубежных и отечественных исследователей: Карла Моргенштерна, Вильгельма Дильтея, Рольфа Зельбманна, М.М. Бахтина, А. А. Морозова, Б. И. Пуришева, А.В. Диалектова, В.Н. Пашигорева.

Рассмотрев классификации данной жанровой разновидности, предложенные М.М. Бахтиным и А.А. Садриевой, опираясь на исследования

М.М. Бахтина, В. Пашигорева, В.В. Кожина, А.А. Садриевой, мы выявили типологические черты романа воспитания.

Используя в качестве теоретической базы для собственного исследования классификацию М.М. Бахтина, мы проанализировали художественную структуру «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова, выявив в ней элементы романа воспитания.

Наблюдения над образной системой романа позволили нам сделать вывод о том, что с Александром Адуевым происходит «обыкновенная история» утраты романтических иллюзий, такая же обыкновенная, как с любыми другими романтическими натурами.

Изображение типически повторяющегося пути человека; показ образа «становящегося человека»; «изображение мира и жизни как опыта, как школы, через которую должен пройти всякий человек и вынести из нее один и тот же результат – протрезвение» [Бахтин 1979: 71]; наличие «воспитателя», «наставника» на этом пути – типологические черты романа воспитания, выделенные нами в «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова, которые позволяют отнести произведение ко второму типу романа воспитания («роман воспитания в точном смысле») в классификации М.М. Бахтина.

Проанализировав развитие диалогического конфликта в романе И.А. Гончарова мы пришли к заключению, что он реализуется не просто как спор Александра со своим дядюшкой, а представляет собой более широкий конфликт. В широком значении он отражает противостояние двух жизненных философий, обусловленных двумя стадиями развития общества – патриархальной и капиталистической, и воплощен в противостоянии патриархальной деревни Грачи и деятельного, промышленного Петербурга. И.А. Гончарову удалось заметить и выставить на обозрение читающей публики один из основных конфликтов 40-х годов XIX века: между патриархальной барщиной и зарождающейся деловой жизнью. Им показаны характерные черты нового общества: уважение к труду, рационализм, профессионализм,

ответственность за результат своего труда, почитание успеха, рассудочность, дисциплина.

По замыслу писателя, помещичий уклад, возрадивший Александра Адуева, праздная, без напряженного труда души и тела обстановка помещичьей усадьбы – это и есть социальные причины, обусловившие полную неподготовленность «романтика» Адуева к пониманию действительных потребностей современной общественной жизни. Эти потребности, до известной степени, воплощены в фигуре дяди Петра Ивановича Адуева. И Александру предстоит пройти череду испытаний: писатель погружает его в реальные, а не мечтательные отношения чиновничьей службы, журналистской деятельности, родственных связей с дядюшкой и любви, чтобы постичь «прозу жизни». Существенным при этом является тот факт, что «прозрение», взросление Александра Адуева происходит на фоне ломки старых жизненных устоев, «дается в неразрывной связи с историческим становлением».

Таким образом, наличие диалогического конфликта в романе «Обыкновенная история» И.А. Гончарова является средством отражения становящегося человека на фоне исторического становления мира, что и позволило нам соотносится данное произведение с пятым типом романа воспитания (в классификации М.М. Бахтина), в котором становление человека происходит вместе со становлением мира, человеку приходится меняться в связи с меняющимися устоями мира, когда «образ становящегося человека начинает преодолевать здесь свой приватный характер (конечно, до известных пределов) и выходит в совершенно иную, просторную сферу исторического бытия» [Бахтин 1979: 18].

Список использованной литературы

1. Алексеев, А.Д. Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова [Текст] / А. Д. Алексеев, С.М. Сомина. – М.: Искра, 1993. – 210 с.
2. Алексеев, М.П. и др. История зарубежной литературы. Средние века и Возрождение [Текст] / М.П. Алексеев. – М.: Высшая школа, 1987. – С. 320-400.
3. Алексеева, А.Д. Гончаров в воспоминаниях современников [Текст] / А. Д. Алексеева, О.А. Демиховской. – Спб.: Ветер, 1969. – 235 с.
4. Анненков, И.А. Гончаров в печати. Печать о Гончарове [Текст] / И.А. Анненкова. – Спб.: Правда, 1968 – 157 с.
5. Бак, Д. П. Иван Гончаров в современных исследованиях [Текст] / Д.П. Бак. – М.: Новое книжное обозрение, 1996. – С. 346-369.
6. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 237 с.
7. Бахтин, М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Арт – МИР, 1979. – 197 с.
8. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике / В кн. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Азбука, 1976. – 395 с.
9. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – С. 188-236.
- 10.Белинский, В.Г. Полное собр. Соч. [Текст] / В.Г. Белинский. – М.:изд. Советская Россия, 1956. – 450 с.
- 11.Белокурова, С.П. Словарь литературоведческих терминов [Текст] / С.П. Белокурова. – М.: Наука, 2005.– 158 с.
- 12.Вердеревская, Н.А. Русский роман 40-х - 60-х годов XIX века [Текст] / Н.А. Вердеревская.– Казань. Наука, 1980. – 231 с.
- 13.Галахова, А. Обыкновенная история: Отеч. Зап. [Текст] / А. Галахова. – М.: Дрофа, 1848. – С. 123-156.

14. Гончаров в воспоминаниях современников. [Сборник. Подгот. текста и примеч. А. Д. Алексеева и О. А. Демиховской. Отв. ред. чл. кор. АН СССР Н. К. Пиксанов. Вступит. статья А. Д. Алексеева, с. 5-20], М.: Просвещение, 1969. – 213 с.
15. Гончаров, И.А. Новые материалы и исследования. Литературное наследство [Текст] / И.А. Гончаров. – М.: Правда, 2000. – 106 с.
16. Гончаров, И.А. Обыкновенная история [Текст] / И.А. Гончаров. – М.: Советская Россия, 1987. – 280 с.
17. Гончаров, И.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. [Текст] / И.А. Гончаров, – Спб.: Правда, 1999. – 457 с.
18. Гончаров, И.А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т 1. Обыкновенная история. Роман в 2-х ч. [Текст] / И. А. Гончаров, – М.: Гослитиздат, 1959. – 135 с.
19. Григорьева, Е.В. Готический роман и своеобразие фантастического в прозе английского романтизма [Текст] / Е.В. Григорьева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1988. – 292 с.
20. Гухман, М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка XVI-XVIII вв. [Текст] / М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко. – М.: Пушкинский дом 1984. – 180 с.
21. Дружинин, А. В. Собр. соч. 7 т. Спб.: Дрофа, 1865. – 284 с.
22. Евгеньев-Максимов, И.А. Гончаров. Жизнь, личность, творчество. [Текст] / И.А. Евгеньев-Максимов, – М.: ГИЗ, 1995. – 236 с.
23. Евстратов, Н. Г. Гончаров на путях к роману (К характеристике раннего творчества) [Текст] / Н. Г. Евстратов. – Уральск: Пушкинское искусство, 1985. – 128 с.
24. Затонский, Д.В. Мир романа и XX век [Текст] / Д.В. Затонский. – М.: Советский писатель, 1973. – 147 с.
25. Зеленко, Т.В. О понятии «готический» в английской культуре XVIII исторической поэтике / Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 125 с.

26. История русской литературы XI-XV11 веков: [Учеб. для ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» // Д.С. Лихачев, Л.А. Дмитриев, Я.С. Лурье и др.; Под ред. Д.С. Лихачева. -2-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1985. – С. 123-149.
27. Кожевникова, В.М. Литературный энциклопедический словарь [Текст] / В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия. – 1987. – 752 с.
28. Кожин, В.В. Происхождение романа [Текст] / В.В. Кожин, Н. Складорова. – М.: Советский писатель, 1963. – 325 с.
29. Кожин, В.В. Происхождение романа [Текст] / В.В. Кожин. – М.: Советский писатель, 1963. – 325 с.
30. Котельников, В.А. И.А. Гончаров [Текст] / В. А. Котельникова, – М.: Наука, 1993. – 139 с.
31. Краснощёкова, Е. А. Три «обыкновенных истории» в романе И. А. Гончарова [Текст] / Е. А. Краснощёкова. – М.: Дрофа, 1977. – 235 с.
32. Краснощёкова, Е.А. И.А. Гончаров. Мир творчества. [Текст] / Е.А. Краснощёкова. – СПб.: Искусство, 1997. – 159 с.
33. Краснощёкова, Е.А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский [Текст] / Е. А. Краснощёкова. – СПб.: Пушкинский фонд, 2008. – 480 с.
34. Кулешов, В.И. Натуральная школа в русской литературе 19 вв.: [Учеб. пособие для пед. ин-тов. по спец.№ 2101 «Русс. яз. и лит.»] В.И. Кулешов. – М.: Просвещение, 1982. – 257 с.
35. Кулешов, В.И. Этюды русских писателей [Текст] / В.И. Кулешов. – М.: Просвещение, 1982. – 150 с.
36. Лафкрафт, Г.Ф. Сверхъестественный ужас в литературе [Текст] / Г.Ф. Лафкрафт, М.: Дрофа, 1927.– 321 с.
37. Лилин, В. Иван Александрович Гончаров. Пособие для учащихся [Текст] / В. Лилин. – М.: Просвещение, 1968.– 215 с.

38. Ляпушкина, Е.И. Русская идиллия XIX века и роман И.А. Гончарова «Обломов» [Текст] / Е.И. Ляпушкина СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 148 с.
39. Манн, Ю. Проблемы типологии русского реализма [Текст] / Ю. Манн. – М.: Просвещение, 1969. – 257 с.
40. Мельник, В.И. Реализм И.А. Гончарова [Текст] / В.И. Мельник. – Владивосток: Аист, 1985. – 146 с.
41. Мельник, В.И. Реализм И.А. Гончарова [Текст] / В.И. Мельник. – Владивосток: Сияние, 1996. – 296 с.
42. Молнар, А. Поэтика романов И. А. Гончарова. Монография [Текст] / А. Молнар. – М.: Компания Спутник +, 2004. – 321 с.
43. Недзвецкий, В.А. И.А. Гончаров – романист и художник [Текст] / В.А. Недзвецкий. – М.: Дрофа, 1922. – 120 с.
44. Николаева, И.Ю., Карначук Н.В. История западноевропейской средневековой культуры. Часть II. Культура рыцарской среды. [Текст] И. Ю. Николаева, Н.В. Карначук. – Томск: Томский гос.ун-тет, 2002. – 91 с.
45. Отрадин, М.В. Проза И.А. Гончарова в литературном контексте [Текст] / М.В. Отрадин. – СПб.: Дрофа, 1994. – 230 с.
46. Пашигорев, В.Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII – XX веков [Текст] / В. Н. Пашигорев. – Саратов: Астра, 1993. – 133 с.
47. Пиксанов, Н.К. Мастер критического реализма И.А. Гончаров [Текст] / Н.К. Пиксанов. – М.: Наука, 1952. – 350 с.
48. Поляков, Н.Я. И.А. Гончаров в русской лирике. Сборник статей [Текст] / Н.Я. Поляков, – Саратов. Аист, 1994. – 157 с.
49. Пруцков, Н.И. Мастерство Гончарова романиста [Текст] / Н.И. Пруцков. – М.: Просвещение, 1962. – 149 с.
50. Пушкарева, В.С. Предметная деталь и ее функция в романе И.А. Гончарова «Обломов» [Текст] / Пушкарева В.С. Анализ литературного произведения. – Белгород, 2000. – С. 32 – 63.
51. Ревкина, Б.И. Рукописи И.А. Гончарова [Текст] / Б.И. Ревкина. – СПб.: Дрофа, 1940. – 245 с.

52. Роман, литературный жанр // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб.: Дрофа, 1890-1907. – 215 с.
53. Рыбасов, А.П. И.А. Гончаров. 1812-1891 [Текст] / А.П. Рыбасов. – М.: Просвещение, 1957. – 356 с.
54. Самарин, Р.М. Михайлов, А.Д. Рыцарский роман // История всемирной литературы: В 9 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, – Т. 2. – 1984. – С. 548 – 570
55. Спиридонова, В. И.А. Гончаров: Его жизнь и сочинения: Сборник историко-литературных статей [Текст] / В. Спиридонова, А. Михайлова, – М.: Дрофа, – 1912. – 320 с.
56. Сулова, Н.В., Усольцева Т.Н. Новый литературоведческий словарь-справочник для ученика и учителя [Текст] / Н.В. Сулова, Т.Н. Усольцева, – М.: Белый ветер, 2003. – 234 с.
57. Тихомиров, В. Н. И. А. Гончаров. Литературный портрет. [Текст] / В. Н. Тихомиров. – Киев, Наука 1991. – 311 с.
58. Утевский, Л.С. Жизнь Гончарова [Текст] / Л.С. Утевский. – М.: Аграф, 931 – 236 с.
59. Хализев, В.Е. Теория литературы [Текст] / В.Е. Хализев. – М.: Высш. Шк. – 2002. – 437 с.
60. Цейтлин, Г.А. И.А. Гончаров [Текст] / А.Г. Цейтлин. – М.: Академия наук СССР, 1950. – 491 с.
61. Чемена, О.М. Создание двух романов. Гончаров и шестидесятница Е.П. Майкова [Текст] / О.М. Чемена. – М.: Пушкинское наследие, 2000. – 139 с.
62. Шмидт, О.Ю. «Большая советская энциклопедия. Том 32.» Изд. «Советская энциклопедия», 1936. – 546 с.
63. Юсова, А. И.А. Гончаров в печати. Печать о Гончарове А. Юсова, – М.: Наука, 2000. – 256 с.

64. Сейбель, Н.Э Ретроспекция как сюжетный принцип романа воспитания.
Проблемы литературных жанров [Текст] / Н.Э. Сейбель.– Томск, 2002.–
С. 373-376.